

Источники и литература:

1. Бабейко Ф. С. Социальная философия : учеб. пособие / Ф. С. Бабейко, В. М. Чугуенко. – Тирасполь : РИО ПГУ, 1998. – 283 с.
2. Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас : Очерки по истории философии и культуры / Э. Ю. Соловьев. – М. : Политиздат, 1991. – 432 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель; ред. и сост.: Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц; [пер. с нем.]. – М. : Мысль, 1990. – 524 [2] с. , 1 л. портр. – (Филос. наследие).
4. James A. Donald Natural Law and Natural : [Electronic resource] / A. James. – Access mode : <http://jirm.com/rights.htm/>
5. Constitutional state : The binding of all state power to the rule of law : [Electronic resource] // Das Leitbild der modernen Demokratie. Bauelemente einer freiheitlichen Staatsordnung / Waldemar Besson, Gotthard Jasper. – Bonn, 1990. – Access mode : <http://www.dadalos.org/int/Demokratie/demokratie/grundkurs3/rechtsstaat/rechtsstaat.htm>
6. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского : [Электронный ресурс] / Т. Гоббс. – Режим доступа : http://thelib.ru/books/gobbs_tomas/leviafan_ili_materiya_forma_i_vlast_gosudarstva_cerkovnogo_i_grazhdanskogo-read.html

Полуянов В.П.**УДК 130.1****ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА В ВОЗЗРЕНИЯХ ФИЛОСОФСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ**

Актуальность. Необходимость проведения исследования обусловлено осмыслением проблемы природы человека, как он возник, для чего существует под небесным сводом, господин земли или украшение вселенной, игрушка судьбы или раб собственной природы.

Цель работы. Выявление и раскрытие особенности понятий природа, дух, божество и душа человека.

Практическая значимость. Осмысление ключевых категорий, как личности, природа, дух, божество и душа человека с точки зрения диалектики.

Научные исследования. В данной работе исследуется природа человеческой души, божества, духа, разума и личности.

Задачи. Рассматриваются вопросы интеллектуализации и культурной жизни человека.

Научная новизна состоит в том, что продемонстрирована значимость исследования различных подходов мыслителей к природе человека как носителя культуры и как организма в ряду других, а также дано осмысление, позволяющее глубоко их раскрыть,

В настоящее время, человек утратил идентичность, она понемногу сходит совсем на нет. Он умирает как антропологическая данность. Все, что философы писали веками, обратилось к постижению природы человека, его целостности, самостождественности, историчности и постепенно теряет смысл. «Мы должны говорить уже не о человеке, а о неких гуманоидах, разных формах и видах гуманоидной жизни, среди которых собственно привычный человек - лишь один из видов, причем уже уходящий. Человек - вид исчезающий» [7]. Он перестает быть творцом истории и принципиально не участвует в ее битвах, так как живет в условном пространстве и безразличен к темпоральным сдвигам. Утратил человек протяженность живого тела, так как имеет возможность существовать в роли всадника без головы.

А.Г. Дугин не считает такую ситуацию абсолютно современной и не знакомой человечеству. Он предлагает разделить исторический процесс на три части и называет преמודерном, модерн и постмодерн. Эти этапы отличаются по многим признакам. Меняется представление об истории, сакральности, модусе существования мира, человеке, реальности или виртуальности [4].

По мнению А.Г. Дугина, человек в преמודерне похож с аналогичным персонажем в постмодерне. В религии человек в религии не представляет себя некоей законченно-автономной единицей [4]. Древнейшая мифология не расчленяет картину мира. Первые шаги интеллектуальной и культурной жизни человека можно представить как умственное приспособление к непосредственному окружению. Человеческая любознательность начинает менять свое направление. Она обращается на самого человека и обнаруживается уже в мифах.

«Человек есть не данность, а задание, персона, маска, - пишет А.Г. Дугин. Личность - слово искусственное, как персона в греческой трагике,- это нечто одетое на нечто и носимое кем-то. Субстанцией, субъектом, высшим духом, божеством, душой - какую бы инстанцию мы ни ставили в традиционном обществе во главу угла, человек всегда будет оберткой» [4]. Здесь не все корректно. В мифологии человек не изолирован и не обозначен как нечто автономное. Он не лишен телесности и его тело выступает в качестве космогонической меры. У индийского Пуруши есть задание - отдать свое тело для того, чтобы создать все многообразие Вселенной. Есть задание и есть данность. Маска в античной трагедии закрывает героя или героиню. Она олицетворяет некую добродетель или значимое человеческое качество. Медея, скрывает за масками реальность своего горя, ужаса и решимости. Как ни крути, не только задание, но и реальное человеческое существо, способное испытывать страдания души и муки телесности.

Древнейшая мифология дает глубокое прозрение о человеке. Процесс познания с самого начала «отягощен» способностью человека оценивать р

Это находит выражение в антропоморфизме, как живых существ, подобных самому человеку. В древней мифологии и философии человек выступает как малый и большой мир. Представление об их параллелизме и изоморфности - одна из древнейших натурфилософских концепций, в центре которой космогоническая мифологема «вселенского человека» [1].

Древнейшие космогонические мифы, сказания и легенды, искусство и рождающаяся философия были проникнуты стремлением разгадать или разъяснить тайну жизни: как возник человек, и для чего он существует под небесным сводом, озаряемый звездным сиянием, светом солнца и луны; господин ли земли человек и украшение ли вселенной, или он - игрушка судьбы, раб собственной природы. В архаической мифологии человек не автономен, не съезживается, а порой бросает вызов судьбе, предначертанности рока. Будучи приговоренным к жестоким испытаниям и к смерти, он не утрачивает величия духа [5].

Новый поворот в осмыслении человека содержится в христианстве. Древнее учение рассматривает представление о неповторимости каждого человека. Это получило название «персонализм» от слова «персона» - личность. Теперь человек понимается как своеобразная сущность. Личность обретает некую самоценность. Земной человек во всей неповторимости присущих ему физических и духовных черт оценивается как непреходящая и неоспоримая ценность. Телесность в христианском идеале соотносится с духовностью.

А.Г. Дугин, развивая свою концепцию, подчеркивает, что премодерн радикально отличается от модерна. Все, что утверждалось в традиционном обществе, отрицалось или модифицировалось в модерне. Переход от модерна к постмодерну знаменует абсолютное преобразование ценностных и практических установок. В постмодернистской философии человек впервые в истории утрачивает свою телесность как основу своей идентичности.

«Человек - не просто разновидность животного; но человек и не чисто духовное существо, о котором мы ничего не знаем, и которое в прежние времена мыслилось как ангел. Скорее следовало бы сказать, что человек - это нечто единственное в своем роде. Отчасти он принадлежит к разряду живых существ, отчасти к разряду ангелов, но отличается как от тех, так и от других. Богословие и философия во все времена высказывались в пользу особого положения человека; оно было поставлено под сомнение лишь в период господства позитивизма. В проявлениях своего наличного бытия человек может уподобляться животным, в основах своей природы - Божественному как трансценденции, которая, как он знает, есть источник его свободы», - писал К.Ясперс [13].

Нельзя не принять во внимание философское мнение Ф. Ницше о том, что человек есть еще не заверщенное животное и получило детальную разработку в немецкой философской антропологии. Человек - это открытая возможность; он не завершен и не может быть завершен. Поэтому человек всегда больше того, что осуществил, и не тождествен тому, что он осуществил [6].

Он действительно находится на рубеже невероятных трансформаций, поскольку каждый вариант культурного бытия может привести к появлению нового антропологического персонажа.

В жизни человечества играет такой дар, как воображение. Мир фантазии угрожает изначальной человеческой природе. А.В. Луначарский прозвучавшие высказывал о том, что скоро эфир будет заполнен художественными образами, что радио и радиотелескопия (будущее телевидение) могут преобразить психический мир человека и его природу.

Сегодня нет ни одной страны в мире, где не выпускаются телевизионные сериалы. Массовая культура так воздействует на человеческую психику, что зрители порой утрачивают способность различать реальное действие и грёзу. Люди почти полностью уходят в мир фантазии и не в состоянии отличить подлинное событие от вымысла. Они все больше живут фантомными переживаниями, воспринимают телевизионных персонажей как реальных людей. Мир фантазии грозит человеческой природе. Польский фантаст Станислав Лем, написал роман, в котором люди наслаждаются наркотическими эффектами и полностью погружены в галлюцинаторный мир.

Человек вступает в ту сферу, которая не чужда представителям постмодернистской философии. Не погружаясь в их тексты, а апеллируя культурной реальности, можно говорить о том, что человеческая природа действительно вовлечена в авантюру вечного преобразования. Маячит перспектива замены важнейших органов человеческого тела.

Современная культурологическая модель - постмодернистская. Она не возвращает нас к традиционному истолкованию человека. Индивид исчезает, но полного возврата к традиционалистской концепции не происходит. Из индивида уже вытравлено божественное начало. Элиминируется автономность индивидуальности и завершается эпоха прославления человека - гуманизма. Растворяется он как творец истории, а рождается новый антропологический образ - человек - потребитель, человек - консьюмер. Целостность не является залогом человеческого существования. Человек может обрести это качество только в идеале, а в социальной жизни он не воспроизводится как некая интегрированность. Поэтому анализируется отдельно глаз, печень, сердце и мозг. «Возникает некая собираемая и разбираемая виртуальная голограмма человека. Если расчленишь и изучить подробно человека, то мы увидим, что это не что иное, как система эмоций, система раздражений, система клеток, реакций и, соответственно, виртуальная машина» [12].

Оказывается человека можно уподобить машине и соединить с ней. Ему можно вживить чипы и провести немислимые эксперименты с его памятью. Возникнет новая форма жизни - результат высокотехнологичных ресурсов. Система обособления знания в нашем мозгу стала чем-

чисто теоретический вопрос. Ученые - компьютерщики попытались построить искусственный интеллект [3].

Человеческая природа - совокупность устойчивых, неизменных черт, общих задатков и свойств, выражающих особенности человека как живого существа, которые присущи ему во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса. В истории философии, поначалу не вызвала идея конкретных дискуссий о том, что человек имеет определенную неизменную природу. Важно было угадать, что представляет собой эта природа.

Стабильность человеческой природы оказалась подорванной изнутри, так как философы и политики вкладывали в это понятие диаметрально противоположное содержание. Исходя из убеждения, что человеческая природа неизменна, политик и мыслитель пытался оправдать господствующий порядок. Идеологи раннего капитализма подразумевали, что человек от природы стремится к наживе и обогащению. Социалисты в противовес им были убеждены, что изначально в людях заложен альтруизм.

Такое несоответствие точек зрения рождало подозрение. Классический либерализм уповал на позитивную человеческую природу и на то, что политическая демократия, экономический успех, социальная стабильность и индивидуальное счастье, суть единого процесса, предвосхищают друг друга и наступают параллельно. Сила разума и рациональность человеческого поведения порождают естественную гармонию интересов, на то, что общественные изменения могут произойти без особых трудностей при условии устранения искусственных преград и благодаря способностям человека контролировать социальную и окружающую среду.

Либеральная утопия подверглась критике. В человеческом естестве многое оказывается не врожденным, а благоприобретенным. Китайский философ Гао-цзы, констатируя соприродную человеку доброту, добавляет: «Человеческая природа подобна стремительному потоку; пустите его на восток - потечет на восток, пустите на запад - потечет на запад. Ей безразличны добро и зло, как воде безразличны восток или запад» [10]. Сень-цзы, напротив, толкуя о злой природе, добавляет: «Доброе в человеке - это благоприобретенное» [11].

Многие философы убеждены в том, что человек не имеет собственной фиксированной природы. Люди рождаются пластичными и в ходе социализации оказываются предельно разными.

Человек – живое и природное существо. Он видит свою природу сквозь призму собственной социальной или культурной роли. Биологически унаследованные задатки могут развиваться у человека в самых неожиданных направлениях. Обладая пластичностью, он несет на себе следы биогенетической и культурной эволюции. Если сравнить дикую и домашнюю лошадь, можно увидеть между ними различие. Ведь биологическая организация, повадки и видовые особенности окажутся одинаковыми. Э. Фромм утверждает, что первоначально человек не был хищником. Разрушительное в нем - это «благоприобретение» истории. Культура оставляет глубокий отпечаток не только на поведении человека, но и на его особенностях как вида. Поэтому многие ученые, указывая на способность человека изменять самого себя, приходят к выводу, что никакой, однажды предназначенной человеческой природы нет. Антропологи поддерживают эту точку зрения. Они утверждают, что человеческая натура восприимчива к бесконечным пересотворениям, а внутренне устойчивое ядро может быть расколото и разрушено.

В религиозном сознании существовало представление о том, что человеческую природу можно радикально изменить. Возникло в христианстве воззрение, согласно которому при нравственных усилиях можно создать «нового человека». Облагораживание человека предполагает изживание устойчивых задатков Адамова потомка, присущих ему животности, разрушительных наклонностей и греховности.

Человеческая природа как некая данность, безусловно, существует. Она не сводится к перечню каких-то устоявшихся признаков. Представить ее конкретную расшифровку не в состоянии, так как она раскрывает себя в культурных и социальных феноменах. Natura человека не сводится к перечню каких-то устоявшихся признаков. Сама природа не является косной. Она подвержена изменениям, сохраняя себя в качестве определенной целостности.

Представим, что человек как существо безграничен и бесконечно подвижен. Он создал институты, которые отвечают его благополучию. Дальнейший импульс к пересотворению утрачен и человек доволен общей жизненной ситуацией.

На вопрос, какова человеческая природа, философы указывали на доминирующий признак: разум, социальность, общение и способность к труду. Некоторые мыслители пытались выйти за пределы подобной «инвентаризации». Ни у кого не вызывает сомнений, что человек необычен для природного царства. Его оценивали как особую форму жизни, которая похожа на другие, но вместе с тем принципиально отличается от них. Все эти разнородные подходы не выходят за рамки понимания человека как особой формы жизни. Эволюция, в ходе которой рождаются косная и живая материя, мыслящий дух, не раскрывает в человеке никаких качеств, кроме тех, которые присущи живой одухотворенной материи.

Он является частью природы и всей плотью, и кровью принадлежит ей. Однако естественные функции не выглядят у него органичными. Природные потребности нередко воспринимаются как искусственные. Поэтому, перечисление признаков по сути дела ничего не проясняет в определении человеческой природы.

Э. Фромм предлагает иной подход. Оценивая человека как особый род сущего, он подчеркивает: не стоит прискивать все новые и новые признаки. Взглянем на ситуацию с других позиций и определим человека экзистенциально, т.е. через способ существования. Сам Э. Фромм признавался, что прилагательное «экзистенциальный» появилось у него независимо от философии человеческого бытия, а в процессе самостоятельного его исследования. Человек остается частью природы,

понимает, что находясь в мире он осознает свою беспомощность и ограниченность своего существования. Все, что есть в человеке, как бы отрицает самого себя. Он принадлежит природе и в то же время отторгнут от нее. Это существо, которое не имеет своей ниши. Инстинктами, которыми наделен человек не выполняют роль безотказных стимуляторов поведения. Способы своего существования человек воспринимает трагически, и в то же время каждый индивид заново открывает в себе самом эту истину [8].

Немецкий философ Ф. Ницше отверг идею стабильной устоявшейся человеческой природы и определил человека как не сформировавшегося животного. Получается так, что у биологической эволюции вовсе нет предустановленного плана. Человек вовсе не замыкает некую природную цепь, а попросту выпадает из ее звеньев. Все, что оценивается как приобретение человека, на самом деле процесс его вырождения. «Человеческое, слишком человеческое» подверглось суровой критике [6].

З. Фрейд уделил большое внимание наблюдению и изучению иррациональных, подсознательных сил, в определение человеческого поведения. Он и его последователи не только открыли подсознательный пласт в человеческой психике но и показали, что эти иррациональные явления подчиняются определенным законам и можно их рационально объяснить [9].

Философы анализируют жестокость, которая укоренилась в человеческой природе. Современность оказалась безжалостной. Могущество бесчеловечности и действенность ненависти претерпевают ужасные мутации. «Влюбленное в экологию поколение, - пишет французский философ Андре Глюксманн, - мучилось «выходом из ядерной эпохи» и вот, само того не ведая, оказалось перед горизонтом, к которому еще труднее подступиться, чем к тому, откуда они собирались изгонять демонов. Снова приходится мыслить немислимое, оставить эру водородной бомбы, чтобы вступить в эпоху бомбы человеческой» [2].

«Смертельная опасность» - эти слова написаны сегодня повсюду. Отвержение совести и веры вписывается в политику, жизненный опыт, международные проблемы и стратегические завоевания. Тревожное состояние человеческого бытия, неотвратимо снабженное силой раздробить мир на мелкие кусочки, определяется универсальной способностью человечества покончить с самим собой. Терроризм вызывал целый букет тщательно продуманных мер - полицейские репрессии, экономические и социальные предосторожности. Сегодня вызов, не признающий границ, обращен к разумному обоснованию человеческой жизни, к надеждам на выживание и отваге перед лицом смерти.

А. Глюксманн проследил антропологические истоки жестокости и отмечает, что нигилизм реет над человеческими, различиями, он по ту сторону добра и зла, бытия и небытия, истины и лжи. Семь цветков ненависти называет А. Глюксманн. Ненависть существует, даже если ее не узнают. Она прикрывается нежностью, ненасытна, обещает рай, хочет быть Богом-Творцом, любит до смерти и питается своим опустошением [2]. «Ф. Ницше, гораздо более эйфорический, чем о нем говорят, открыл три стадии согласия на жестокость, чтобы воспеть их триумфальное следование друг за другом: после верблюда, который терпит, является лев, который преступает и крушит, наконец - дитя, «невинность и забвение», вечное возвращение, позволяющее себе все что угодно, поскольку не ведает смерти. Давайте научимся различать за розовым нигилизмом Заратустры черный нигилизм эскалации конца света, когда взрослые, прикинувшиеся детьми, освободив себя «святым словом утвержденья» с ошеломляющей легкостью превращаются в убийц этих самых детей и кричат, что неповинны в избиении младенцев» [6].

После Ф. Ницше сложилась ситуация, которую можно было определить как «центрацию человека» [12], т.е. родилось новое направление - философская антропология. У ее основателей возникла идея «эксцентричности человека». Философская антропология выдвинула две самостоятельные программы исследования: истолкование человека как носителя культуры и как организма в ряду других организмов. Г. Плеснер выделил ступени органического мира. Он обосновал отличие живого от неживого и обозначил, как выглядят границы того и другого. По А. Гелену, специфика человеческой организации состоит во взаимосвязанной системе функций. Он сформулировал идею открытости и незавершенности человека как живого существа. Человек оказался в авантюре собственного развития.

К. Ясперс указывал, что никакое философское, озарение не способно дать однозначную картину «человеческого», но по мере трансцендирующего овладения объемлющим проявляется множественность истоков природы человека. Следовательно, человек неустанно стремится к единому, хотя таковым он не является. Природа человека незавершенна и фрагментарна. «Фрагментарность требует достижения полноты, источник которой, в противоположность всем остальным универсальным источникам «человеческого», должен обеспечить бытию человека основу и целостность» [13]. По К. Ясперсу, в самых глубинных слоях человеческой природы сохраняются какие-то действенные элементы. Человек остается незавершенным благодаря своей пластичности. В этой незавершенности имеются ростки будущего.

Представление классической философии об устойчивой и неизменной человеческой природе оказалось несостоятельным. Выяснилось, что человек может все и его природа неопределима. Нельзя свести человека к общему знаменателю, так как он не соответствует какой-либо одной специализации. Он несводим к одной видовой категории, а другого такого вида в природе не существует. Природа человека не завершена и предполагает сохранение базовых его характеристик. Человек - это открытая возможность и он не может быть завершен. При всех своих трансформациях он не утрачивает фундаментальных основ.

Современные исследования сознания показывают, что образ человека, как исключительно биологической машины неприемлем.

Природа человека демонстрирует интересную двойственность. Иногда она приземляет себя до механических интерпретаций, приравнивая человека к телу и функциям организма. В других случаях она выявляет совершенно

сознания, трансцендирующее материю, пространство, время и линейную причинность. Для описания человека необходимо принять то, что он есть, материальный объект и обширное поле сознания.

Выводы. Основой теоретической модели является признание природы человека, как проявляющая свойства сложного ньютоновско-картезианского объекта и поля сознания не ограниченного временем, пространством и линейной причинностью. Эмоциональные и психосоматические расстройства психогенной природы видны выражением конфликта между этими двумя аспектами человеческой природы.

Таким образом, по своему предназначению философия не дает решений. Ее позиция, заключается, в том, что человек представляет собой вид белковой формы жизни. Органика человека является антропологической данностью. Следовательно, заменить живую жизнь механизмом отвергается философской антропологией. В этом случае речь идет не о преобразении человеческой природы, а о её переосмыслении.

Источники и литература:

1. Гуревич П. С. Логика БИОСа и мозг машины / П. С. Гуревич // Философия и культура. – 2008. – № 8. – С. 28-36.
2. Глюксманн А. Философии ненависти / А. Глюксман. – М. : АСТ, 2006. – С. 16.
3. Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф. – М. : АСТ, 2002. – С. 91.
4. Дугин А. Г. Постгуманизм. Человек в мире постмодерна / А. Г. Дугин // Вестник аналитики. – 2007. – № 1. – С. 132.
5. Кутырев В. А. Смерть человека в философии постмодернизма / В. А. Кутырев // Личность. Культура. Общество. – М., 2007. – С. 50.
6. Ницше Ф. Собрание сочинений : в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Культурная революция, 2005. – Т. 2. – 556 с.
7. Смирнов С. А. Современная антропология. Аналитический обзор / С. А. Смирнов. – М. : Изд-во Алгоритм, 2003. – С. 83-95.
8. Фромм Э. Иметь или быть / Э. Фромм; пер. с англ. Э. Телятниковой. – М. : АСТ, 2000. – С. 138-139.
9. Фрейд З. Толкование сновидений / З. Фрейд. – М., 1913. – 448 с.
10. Цит. по: Из книг мудрецов. Проза Древнего Китая. – М. : Художественная литература, 1987. – С. 60-61.
11. Цит. по: Лисевич И. С. Древнекитайская философия / И. С. Лисевич // Человек. 1991. – Т. 1. – С. 27.
12. Шелер М. Философское мировоззрение / М. Шелер // Избр. произведения / М. Шелер. – М. : Гнозис, 1994. – С. 41-42.
13. Ясперс К. Общая психопатология / К. Ясперс. – М. : Практика, 2007. – С. 40.

Ставицкий А.В.

УДК 101.1:316

«НАУЧНЫЙ» МИФ ПОЗИТИВИЗМА: ПРОБЛЕМА НЕПРОЯВЛЕННОСТИ

Известно, что парадокс процессов обретения знаний связан как с убеждениями, так и с предубеждениями. И поэтому на наш взгляд даже исследование мифов, как заблуждений тех или иных эпох, на сегодня является не менее ценным и интересным, чем исследование тех истин, которые временем подтвердились. Почему? Да хотя бы потому, что в этих заблуждениях видна эпоха, и видна потенция. Не говоря о том, что каждое заблуждение отражает связность бытия в её глубинной сути, не менее, чем та истина, которая, по мнению учёных, подтвердилась. Ведь они не случайны и являются продуктом определённого действия и состояния. Продуктом среды и эпохи.

Впрочем, так ли уж много истин, подтвердившихся временем? И подтверждает ли это, что они – навсегда? Что они значат относительно вечности? И как должны измениться, чтобы сохранить себя? «Сама идея прогресса названа детской иллюзией, вместо него проповедуется "реализм", новое слово для окончательной потери веры в человека» [1], - сетовал на новые времена психолог Э. Фромм. Но кто называет идею прогресса детской иллюзией? Кто проповедует реализм и подрывает веру? Не наука ли? Чьи идеи она критикует? Не свои ли? И нуждается ли она вообще в вере? В какой степени вера соотносится с рациональностью? А если не соотносится, то зачем наука к ней прибегает? Или критика «прогресса» ничем не обоснована?

В описании российского философа А. П. Назаретяна, в период своего обеспеченного достижением науки расцвета позитивистская идеология «пропитала своим пьянящим запахом интеллектуальную атмосферу эпохи. Научная (читай: «истинная») картина мира была близка к завершению, открытие стройных и ясных законов природы демонстрировало могущество человеческого мышления. Человек навсегда освободился от диктата выдуманных богов, своевольных царей и наивных предрассудков. Темное прошлое виделось вереницей заблуждений и несчастий, а светлое будущее - безоблачным царством Разума. Везде - в науке, в экономике, в политике - требовалось только последнее решающее усилие, чтобы достроить до конца здание истины, счастья и справедливости, и совершить это усилие, о котором будут с благодарностью вспоминать потомки, суждено ныне живущим поколениям» [2, с. 77].

Спрашивается, насколько подобная картина соответствовала реальности, а если не соответствовала, можно ли считать её результатом научного мифотворчества? Или наука к этому не имеет никакого отношения? К сожалению, имеет. И прод